

Тезисы доклада И.В. Кометчикова

Повседневные взаимоотношения власти и деревни Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг.

Особенности советского аграрного строя послевоенных лет, в частности, взаимоотношения власти и деревни остаются одной из наиболее актуальных проблем новейшей отечественной истории. В советской литературе она анализировалась в рамках концепта «диктатуры пролетариата», в современной историографии – как социально-политический конфликт на почве модернизаторской политики тоталитарного государства и попыток сопротивления ей деревни. Представляется, что соотнесение такого взгляда с достижениями истории повседневности как части социальной истории пока не раскрыло свой потенциал с учетом произошедшей «архивной революции». При этом повседневность рассматривается не как особая социальная реальность, а как существующая только в экономических, социальных, политических и иных институтах, на пересечении «повседневничания» и «преодоления повседневности», в сталкивании устоявшихся правил («привычного, упорядоченного, близкого») и новаций («непривычного, находящегося вне обычного порядка, далекого»).

Источниками для изучения заявленной проблемы выступили законодательные материалы, выступления, доклады, сочинения лидеров партии и государства, периодическая печать, делопроизводство, источники личного происхождения (письма и обращения населения к вождям, в органы власти, прессу, мемуары сельских жителей и представителей власти), материалы этнографических и историко-социологических обследований.

Большинство привлеченных источников более восьмидесяти фондов пяти федеральных архивов (ГАРФ, РГАСПИ, РГАЛИ, РГАНИ, РГАЭ) и архивов Брянской, Владимирской, Калужской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской областей, а также г. Москвы вводятся в научный оборот впервые.

Территориальные рамки исследования – Центральное Нечерноземье РСФСР (Брянская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Ярославская области) – староосвоенная аграрная территория, самый густонаселенный район РСФСР, для которого были типичными низкое естественное плодородие почв, многоотраслевое сельское хозяйство с преобладанием отраслей растениеводства и животноводства, мелкоселенность как тип расселения, неразвитость дорожной сети, преобладание в этноконфессиональном составе русских, православие как основа религиозности и традиционной культуры.

Хронологические рамки исследования – 1945 – начало 1960-х гг. По завершении войны продолжилась реализация аграрного курса в рамках перемен, стартовавших в конце 1920-х – начале 1930-х гг. с опорой на механизмы аграрного общества. По мере прогресса капитализации сельского хозяйства конца 1950-х – начала 1960-х гг. ускоряется формирование повседневных взаимоотношений власти и деревни на началах бюрократизации.

Исследование повседневных взаимоотношений власти и деревни Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг. в хозяйственной, политической сферах, сферах культуры и религиозности с позиции власти («сверху»), а также «снизу» и «изнутри» (с точки зрения представителей различных социальных страт деревни) позволяет сделать следующие выводы.

Важной составляющей аграрного курса в деревне Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. стало приспособление институтов власти к функционированию в условиях мирного времени.

Их прогресс в изученных сферах был обратно пропорционален успешности преодоления контроля власти деревней. Наибольшее преодоление отмечается в наименее «оповседневенной» властью хозяйственной жизни. Главным здесь стало не изменение сложившегося порядка власти, а адаптация к нему в форме легального и нелегального использования ресурсов колхозов и госхозов (социальный иммунитет), вынуждавшая власть корректировать аграрную политику.

Часть социального иммунитета деревни периодически устаревала, но сам он неизменно демонстрировал активный «наступательный» потенциал по отношению к аграрному курсу.

Наряду с общими для села адаптивными стратегиями каждая ее страта применяла и свойственные только ей, основанные на использовании особенностей своего статуса.

Противостояние социальному иммунитету отвлекало власть на поддержание в деревне хотя бы элементарного порядка (как она его понимала), было одной из главных причин ее неспособности решить проблемы села, невысокой эффективности аграрной политики в целом.

По мере роста капитализации сельского хозяйства с конца 1950-х гг. понижается значение политической сферы в повседневных взаимоотношениях власти и деревни. Основанный на чрезвычайщине сталинский порядок заменяется «регулярным» контролем управленцев-специалистов, которых деревня все чаще воспринимает как собственников хозяйственных ресурсов.

В то же время большее «оповседневивание» политической, чем хозяйственной сферы обусловило сравнительно небольшое распространение социального протеста деревни, делало его бесперспективным и опасным для протестующих.

Главным направлением аграрной политики в сфере культуры стало наращивание доступности и отладка форм воздействия на деревню ее наиболее продвинутых институтов – прежде всего СМИ и кино, а результатом – вытеснение деревенских традиций потреблением стандартизированной советской культуры. Сохранявшиеся элементы традиционной культуры деревни маргинализировались.

Основным рычагом контроля религиозности стала введенная еще в конце 1920-х гг. черта легальности, посредством которой религиозная традиция деревни делилась на легальную и нелегальную. Результатом стала локализация религиозных общин, рост обрядоведения, профанация обрядности, уход части верующих в подполье, что привело к угасанию неканоничных форм, нивелированию былого многообразия религиозности.

К началу 1960-х гг. некогда цельная духовная культура деревни окончательно деформируется, заменяется контролируемой бюрократией массовой культурой.

«Сплавление» формируемой властью повседневности и ее преодоления деревней создало образ их взаимоотношений, в котором к началу 1960-х гг. «разжижение» повседневности в хозяйственной сфере сосуществовало с «застоем» в прочих сферах, где начала «регулярного» бюрократического господства достигли наибольшего прогресса.

Следствием этого стал переток социальной энергии деревни в наименее регламентированную хозяйственную сферу на грани и за пределами сельского хозяйства, редукция былого многообразия взаимодействий деревни с властью к контактам в рамках рутины официальных институтов, снижение уровня доверия к власти, рост социальной апатии, ускорение миграции в города, кризис традиционной культуры деревни.